

Оглядываясь. Нью-Йорк. Гумми печать, 35 x 50 см

В детстве редкую игрушку у давалось сбегать от разбирания, и редкая игрушка переживала эту процедуру — всегда да оставались лишние детали, механизм подозрительно скрипел и отказывался работать. И как только я взял в руки «Хольгу», пластиковую камеру за 12 долларов, по старой памяти рука потянулась к отвертке — нас только эта камера была похожа на детскую игрушку. И скоро передо мной на столе беззащитно лежали незамысловатые детали камеры — скрупулечка к орпусу, пластиковый объектив со смешной пружинкой затвора и горстка винтиков. Так вот из чего составлена фотография?! Все это можно было потрогать руками и, перемешав, вновь собрать. Начиналась Игра. Игра в Фотографию. Все было именно так — спустя некоторое время, без всякого напряжения и дрожи в руках (не так я разбирал цифровой Nikon!) камера была собрана вновь и, что примечательно, без оставшихся лишних деталей. Удивительно, но она по-прежнему работала — в глубине не-серьезного к орпуса пощелкивал затвор, шурушка, прокручивалась пленка. С какой еще камерой можно было бы так пошутить без боязни повредить дорогостоящую оптику или высокоточную механику?

В «Хольге» меня поразила простота и наглядность ее фотографической механики, ее честность, ее откровенный минимализм и самоуверенно-горделивый отказ от совершенства. После нажатия кнопки пружинка забавно перекидывалась и открывала затвор. Маленькая гильотинка отсекала кусочек света, к усочек пространства,

кусочек времени и бросала их на пленку. Почти физически ощущался процесс фотографирования. Линзочка, пружиночка, пленочка. И опять из детства: «городок в табакерке» с его дядьками-молоточками и принцессой Пружинкой. Живая рукотворная фотография, такая близкая сердцу, рождалась у меня на глазах, как мотылек из кокона...

Чем может нас прельстить подобная камера в век многопиксельных гигантов? В век, в котором все улучшающаяся оптика приучается все точнее и адекватнее передавать окружающий мир (который уже сам становится подобием своих изображений)? Чем может нас очаровать камера, безбожно перевирающая цвета и размывающая в молоко изображение по краям? Камера с ручной перематкой пленки и одной выдержкой, одной диафрагмой? Чем может нас привлечь этот уродец в ряду с тройными, как один, цифровыми жеребцами?

Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно ответить на другой — сакраментальный и почти интимный: для чего мы фотографируем, почему в тот или иной момент нашей жизни рука тянется к аппарату, чтобы запечатлеть — что?.. привлечь внимание зрителя — к чему? Что-то объяснить хотя бы только себе, или — создать еще одно из миллиона глянцевых подвидов этого мира?..

В комнате шумит холодильник, и толпятся ничейные вещи, осознающие свое сиротство. За окном воют полицейские сирены, шумят леса, за темными океанами светятся дальние ночные города. Ключ-